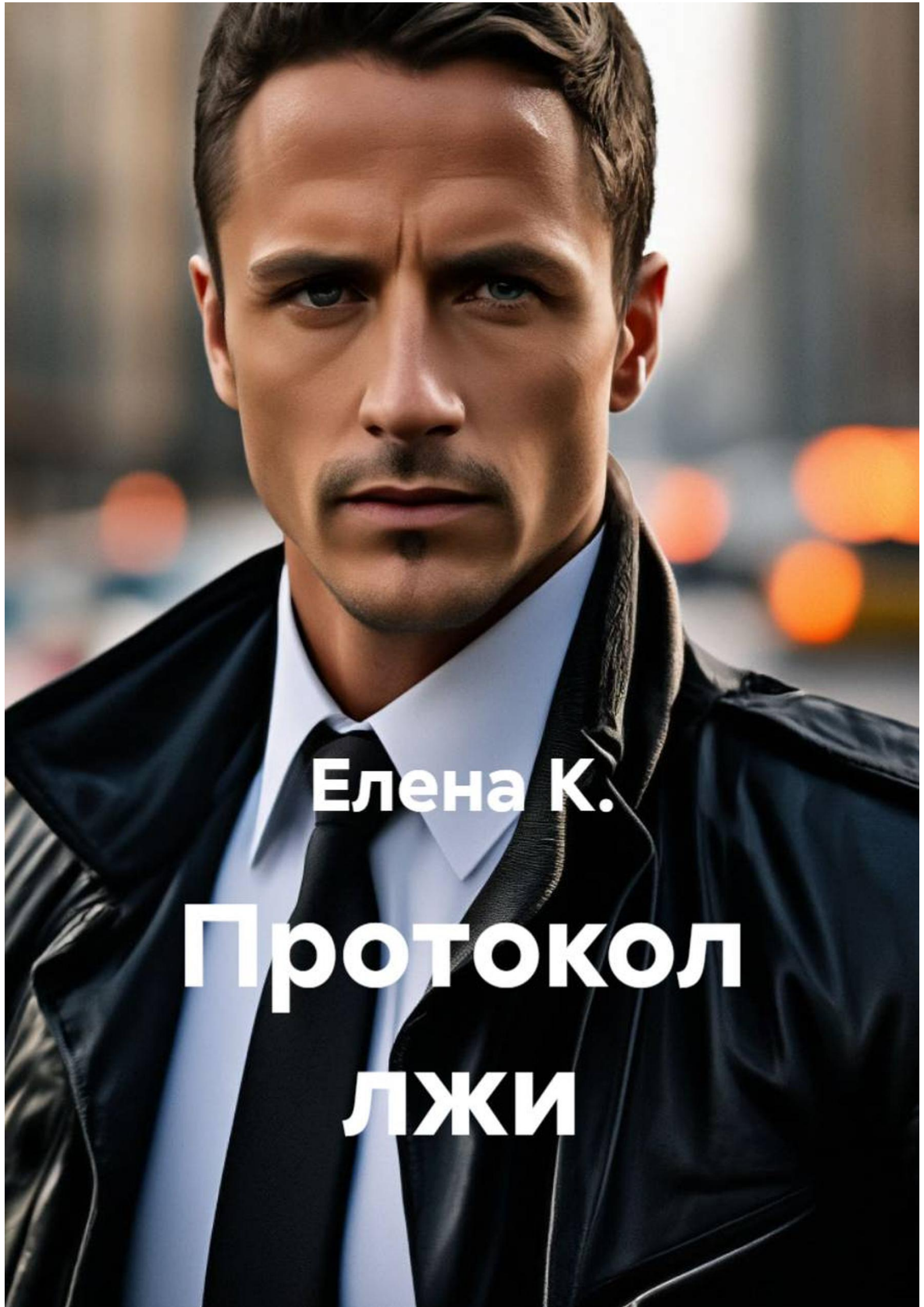

A close-up portrait of a man with short, dark hair and light-colored eyes. He is wearing a light blue dress shirt, a dark tie, and a dark leather jacket. He has a serious, intense expression. The background is blurred, showing bokeh lights in shades of orange and blue, suggesting an urban setting at night.

Елена К.

**Протокол
ЛЖИ**

Елена К.

Протокол лжи

«Автор»

2026

К. Е.

Протокол лжи / Е. К. — «Автор», 2026

В небольшом городе, где за фасадом «развития» прячутся чужие интересы, Игорь Чернов становится опорой для тех, кто не готов смириться с несправедливостью. Он не супергерой — он умеет слушать, замечать детали и объединять людей. Вместе с волонтерами, архивариусами и простыми горожанами он встаёт на защиту приюта, старого дома, библиотеки, сквера — мест, в которых живёт память и человечность. Сквозь ночные вылазки, поиск документов, противостояние с влиятельными людьми и тихую силу общего голоса раскрывается главная мысль: город принадлежит не тем, кто хочет его перекроить, а тем, кто его бережёт. Эта история о смелости не отводить взгляд и о том, что даже один равнодушный человек способен изменить ход событий. Для поклонников остросоциальных детективов.

© К. Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава о совпадениях.	5
Глава 1. Слишком чистое дело	6
Глава 2. Флешка	9
Глава 3. Причал	11
Глава 4. Заречная	13
Глава 5. Свидетель	15
Глава 6. Тихий	19
Глава 7. Прения	21
Глава 8. Вердикт	24
Глава 9. Тень за спиной	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Протокол лжи

Глава о совпадениях.

«Все персонажи и события, описанные в этой истории, являются плодом авторского воображения. Любые совпадения с реальными людьми, организациями, адресами, названиями учреждений или происходящими в действительности делами — чистая случайность. Ни одно животное не пострадало при написании текста. Ни один чиновник не был узнан в героях.».

Но те, кто знал Чернова, только усмеваются, читая эту строчку. Потому что в их городе слишком многое было знакомо: и запах сырости в старых подвалах, и усталые глаза следователей, и то, как быстро исчезают подписи под петициями, если никто не следит.

А ещё они знали: даже если имена изменены, а улицы чуть сдвинуты на карте — правда остаётся правдой. И она не прячется за оговорками о совпадениях. Она живёт в тех, кто не отводит взгляд. В тех, кто берёт трубку, когда звонят посреди ночи. В тех, кто вместо «это не моё дело» говорит: «Рассказывайте. Всё с начала».

И потому, читая эти слова, они просто переворачивали страницу — и шли делать то, что должны. С уважением всегда ваша, Елена К.

Глава 1. Слишком чистое дело

Зал заседаний Октябрьского районного суда города Светлогорска был набит до отказа. Журналисты теснились на задних рядах, телефоны щёлкали затворами камер, будто кто-то рассыпал по полу дробь. На скамье подсудимых сидела женщина в тёмно-сером костюме — не в оранжевой робе СИЗО, как обычно, а в нормальной одежде. Это само по себе было сигналом: у неё были деньги и хороший адвокат. Но сегодня её защищал не просто хороший — сегодня её защищал Роман Колосов.

Я не люблю такие дела. Не люблю, когда всё слишком чисто. Слишком гладко. Слишком предсказуемо. В таких делах всегда есть второй слой — липкий, тёмный, спрятанный за красивыми формулировками протоколов и служебных записок. И я знал: сегодня этот слой вот-вот вылезет наружу.

Судья Селезнёв, человек с лицом, будто вырезанным из коряги, постучал молотком — звук отозвался в зале как удар колокола.

— Слушается дело по обвинению Лариной Натальи Сергеевны в совершении преступления, предусмотренного частью третьей статьи сто пятьдесят девятой Уголовного кодекса, — его голос был сухим, без интонаций, но в нём чувствовалась усталость от сотен таких же дней. — Мошенничество в крупном размере. Прошу сторону защиты выступить с заявлением.

Колосов кивнул, не глядя на судью. Он не искал одобрения. Он искал присяжных.

Дело слушалось с участием коллегии присяжных заседателей — двенадцать человек, от пенсионерки из Октябрьского района до молодого программиста из Центрального. Колосов изучил каждого ещё на этапе отбора. Знал, кто из них читает новостные сайты, кто смотрит криминальные хроники по вечерам, а кто вообще не верит суду и считает систему продажной. На последних он и собирался играть.

Он шагнул к барьеру, отделявшему зал от места присяжных, не спеша, будто у него впереди вечность. На самом деле у него было ровно столько времени, сколько нужно, чтобы заставить их поверить.

— Уважаемые присяжные, — голос Колосова звучал ровно, без пафоса, но в нём была сталь, — сторона обвинения утверждает, что моя подзащитная, Наталья Ларина, занимая должность финансового директора акционерного общества «Светлогорск-Энерго», намеренно ввела в заблуждение совет директоров, чтобы получить контроль над пакетом акций дочерней компании и затем реализовать его по завышенной цене, причинив ущерб акционерам на сумму, превышающую четыре миллиона рублей.

Он не размахивал руками. Не делал пауз ради эффекта. Он просто выкладывал карты на стол — одну за другой.

— Но давайте посмотрим на факты. — Колосов поднял лист бумаги, как будто это была не ксерокопия, а сама истина. — Вот протокол заседания совета директоров от двенадцатого марта. Вот электронная переписка, где Наталья Сергеевна предлагает альтернативный план реструктуризации, отвергнутый большинством голосов. И вот — самое важное — аудиозапись разговора, сделанная не ею, а одним из членов совета директоров, который позже стал ключевым свидетелем обвинения.

Колосов кивнул помощнику. Тот подключил колонку к ноутбуку, и по залу раздался голос — низкий, с лёгким провинциальным прононсом, характерным для этих краёв:

— Если проголосуем против, акции рухнут, и мэр нам это припомнит. Нужно, чтобы она думала, что мы на её стороне. А потом спишем всё на неё — она и так у нас крайняя.

Тишина стала плотной, почти осязаемой. Присяжные замерли. Кто-то нервно поправил воротник. Кто-то сжал ручку так, что побелели костяшки пальцев.

Гособвинитель Павел Кудрявцев поднялся, как будто его подбросило пружиной. Он был молод, амбициозен и ненавидел Колосова так сильно, что это чувствовалось в каждом его движении. Костюм сидел идеально, галстук был завязан безупречно, но на виске пульсировала вена — единственный признак того, что он не так спокоен, как хотел казаться. Кудрявцев работал в городской прокуратуре третий год и до сих пор не проиграл ни одного дела с участием присяжных. Он считал это своей формулой: твёрдые доказательства, уверенный тон, ни одной лишней эмоции. Но сегодня формула давала сбой.

— Уважаемый суд! — голос Кудрявцева дрожал от напряжения. — Данная запись не может быть допущена как доказательство! Она получена с нарушением закона — статья семьдесят пятая Уголовно-процессуального кодекса прямо запрещает использование доказательств, полученных с нарушением процессуального порядка. Мы ходатайствуем об исключении.

Колосов даже не обернулся. Он смотрел только на присяжных.

— Уважаемый суд, — спокойно сказал он, — сторона защиты готова представить заключение независимой экспертизы, проведённой лабораторией Светлогорского государственного университета. Экспертиза подтверждает подлинность записи и отсутствие монтажа. Более того, в материалах дела, предоставленных стороной обвинения, обнаружены следы редактирования исходного аудиофайла. Что ставит под сомнение не сторону защиты, а сторону обвинения.

Кудрявцев побледнел. Он знал, что проиграл этот раунд. Но я-то знал, что настоящие игры только начинались.

Я сидел в первом ряду, не как адвокат, не как журналист, а как человек, который видел Наталью Ларину за три дня до ареста. Видел, как она стояла у окна своего офиса на девятом этаже здания на проспекте Гражданском, смотрела вниз, на поток машин, и шептала: «Они меня в покое не оставят».

Тогда я не придавал этому значения. Подумал, что просто стресс, обычная паника перед крупной сделкой. Светлогорск — город, где бизнес и политика сплетаются так плотно, что не поймёшь, где заканчивается одно и начинается другое. Все так говорят, все к этому привыкли. Но теперь я видел, как её пальцы сжимают край скамьи, как она старается держать спину прямо, будто от этого зависит её жизнь.

Меня зовут Игорь Чернов. Я частный детектив — раньше старший следователь Следственного комитета, теперь просто человек, которому платят за то, чтобы он находил правду. По крайней мере, так я это называю. Чаще всего я нахожу то, что заказчик хочет назвать правдой. Но это дело было другим.

Ларина мне не платила. Вообще.

Меня нанял её брат — Дмитрий Ларин, владелец сети шиномонтажных мастерских на Северной объездной. Широкоплечий, с короткой стрижкой и глазами человека, который привык получать своё. Он пришёл ко мне в офис на улице Речной, сел в кресло напротив и сказал:

— Игорь Николаевич, моей сестре шьют дело. Я знаю, что она ни в чём не виновата. Но я также знаю, кто стоит за этим. И если поможете — заплачу столько, сколько назовёте.

Я спросил, кто стоит. Он помолчал, посмотрел в окно — там, напротив, по фасаду Дома связи полз трактор, укладывая новый асфальт перед выборами.

— Станислав Эдуардович Мухин, — сказал он наконец. — Председатель совета директоров «Светлогорск-Энерго». Депутат городской думы. Человек, который не проигрывает.

В голосе Дмитрия не было страха. Было что-то хуже — уверенность в том, что система работает так, как работает, и что честных людей в ней не остаётся.

Я взялся за дело, потому что вспомнил глаза Натальи тогда, у окна. «Они меня в покое не оставят». Не «он», а «они». Множественное число. Значит, Мухин — не один. Значит, за ним стоят другие. И значит, Колосов, каким бы блестящим адвокатом он ни был, не знает всей картины.

А я знал. Потому что за три дня до ареста Натальи я нашёл кое-что, что не попало ни в материалы дела, ни в руки обвинения. Флешка, спрятанная в ящике рабочего стола в её офисе, — маленькая, чёрная, с наклейкой, на которой от руки было написано: «Игорю Николаевичу, если меня не станет».

Я до сих пор не вскрыл её. Не решался. Потому что понимал: как только открою — обратной дороги не будет. И моя жизнь пойдёт по другому маршруту.

Но судья Селезнёв объявил перерыв. Присяжных увели в комнату совещаний. Кудрявцев яростно листал папку с материалами дела. Колосов стоял у окна и тихо разговаривал с Натальей — спокойно, ровно, клал руку ей на плечо.

А я сидел и думал.

Сегодня вечером я вскрыю флешку.

Глава 2. Флешка

Офис Чернова находился на втором этаже кирпичного здания на улице Речной, между нотариальной конторой и магазином «Клёвый улов». Район был тихий, рабочий — такие нравятся частным сыщикам: никто не задаёт лишних вопросов, никто не смотрит косо, если ты возвращаешься поздно ночью.

Игорь Николаевич закрыл дверь на два замка, задёрнул шторы и сел за стол. Перед ним лежала флешка — маленькая, чёрная, с потёртой наклейкой. «Игорю Николаевичу, если меня не станет». Почерк Натальи — аккуратный, с лёгким наклоном влево. Он видел, как она пишет: быстро, уверенно, без лишних движений. Так пишут люди, которые привыкли принимать решения.

Он воткнул флешку в ноутбук.

На экране появились три папки. Первая — «Документы». Вторая — «Записи». Третья — «Для Романа». Последняя заставила его замереть. Наталья заранее знала, что Колосов будет её адвокатом. Она готовилась. Она знала, что её посадят, и готовилась.

Он открыл первую папку. Внутри — сканы договоров, протоколов, служебных записок. Он пробежался глазами по названиям: «Договор уступки прав требования от 03.02», «Соглашение о компенсации от 18.02», «Служебная записка Мухина С.Э. — гендиректору». Последний документ открыл, и у него перехватило дыхание.

Служебная записка была адресована генеральному директору «Светлогорск-Энерго» Анатолию Полякову. Подпись — С.Э. Мухин. Дата — 14 февраля, за месяц до ареста Натальи. Текст лаконичный, деловой:

Анатолий Петрович, в связи с предстоящей реструктуризацией активов предлагаю рассмотреть вариант выделения дочерней структуры с последующей передачей контрольного пакета в управление ООО «Каскад». Условия обсуждены на неформальной встрече. Прошу согласовать.

ООО «Каскад». Чернов набрал название в поиске на телефоне. Учредитель — Станислав Эдуардович Мухин. Зарегистрировано за две недели до служебной записки. Адрес — квартира в центре Светлогорска, на улице Чкалова. Один учредитель. Один генеральный директор. Один человек, который решал всё.

Наталья была не мошенницей. Она была помехой. Мухин хотел забрать активы компании себе — через подставную структуру — и ему нужно было убрать человека, который мог этому помешать. Финансовый директор, которая контролировала потоки и знала, куда идут деньги, была единственной преградой. И он убрал её — не физически, а юридически. Повесил на неё мошенничество, подделал документы, подтянул свидетелей.

Вторая папка — «Записи». Три аудиофайла. Он нажал на первый.

Голос Мухина — узнаваемый, с барским тоном человека, привыкшего, что его слушают: — Наташа, ты умная женщина. Но умные женщины иногда делают глупости. Подпиши согласие на уступку, и мы забудем о разногласиях. Не подпишешь — я сделаю так, что ты не то, что в совете директоров — в бухгалтерии ни одной конторы не сядешь. Вообще.

Голос Натальи — ровный, но Чернов уловил дрожь:

— Станислав Эдуардович, я не подпишу то, чего не понимаю. «Каскад» — ваша компания? Вы предлагаете мне согласовать передачу активов структуре, которая принадлежит вам лично?

Пауза. Потом Мухин засмеялся — коротко, зло.

— Ты много стала понимать, Наташа. Это вредно для здоровья.

Чернов выключил запись. Пальцы дрожали. Не от страха — от злости. Он двадцать лет проработал в Следственном комитете и видел разное — коррупцию, подкупы, сфабрикованные

дела. Но каждый раз, когда видел, как сильный давит слабого, внутри что-то скрипело, как старая дверь.

Третья папка — «Для Романа». Внутри — текстовый файл с пояснениями и список из трёх имён. Первое — Поляков Анатолий Петрович, генеральный директор. Второе — Зингер Марк Исаакович, главный бухгалтер. Третье — Беянская Инна Олеговна, заместитель финансового директора.

Наталья писала:

Роман, если Игорь передаст тебе эту информацию — используй на суде. Мухин действует через Полякова (он подписывает документы) и Зингера (он ведёт бухгалтерию «Каскада»). Но ключевой свидетель — Беянская. Она замещала меня на совете директоров, когда я болела в феврале. Она присутствовала на встрече, где Мухин обсуждал схему. Она знает правду. Она боится. Но если дать ей защиту — она заговорит.

Чернов откинулся в кресле. Беянская. Заместитель финансового директора. Он видел её имя в материалах дела — она проходила как свидетель обвинения. Обвинение вызывало её, чтобы подтвердить, что Наталья действовала в одиночку. Но если Наталья права и Беянская знает правду — значит, либо она врёт, либо её заставили молчать.

Он набрал номер Колосова.

— Роман, это Чернов. Нам нужно поговорить. Сегодня.

Глава 3. Причал

Кафе «Причал» пряталось на набережной Заречного спального района — далеко от центра, куда не добирались ни туристы, ни репортёры. Здание было старое, кирпичное, с облупившейся вывеской и террасой, которая летом уходила прямо к воде. Река Зарянка текла тут медленно, лениво, будто тоже никуда не спешила. Местные говорили, что в «Причале» готовят лучший борщ в Светлогорске. Чернов не знал — он сюда приходил не есть.

Колосов сидел в углу, спиной к стене. Он всегда так садился — привычка, выработанная годами работы по громким делам. Когда ты защитник, всегда есть кто-то, кто хочет, чтобы ты проиграл. Иногда — не только в суде.

Чернов сел напротив, положил флешку на стол, накрыл бумажной салфеткой.

— Наталья готовилась, — сказал он. — Она знала, что её уберут.

Колосов не удивился. Он вообще редко удивлялся — по крайней мере, внешне. Внутри, конечно, всё кипело, но лицо оставалось каменным. Он взял флешку, спрятал в карман пиджака.

— Что там?

— Служебная записка Мухина гендиректору, где он предлагает передать активы компании структуре, которая принадлежит ему лично. ООО «Каскад», зарегистрировано за две недели до записки. И три аудиозаписи разговоров, где Мухин напрямую угрожает Наталье.

— Записи чистые?

— Чистые. Она записывала на телефон, потом перекинула на флешку. Метаданные в порядке.

Колосов помолчал, побарабанил пальцами по столу. Официантка — девушка лет двадцати, с усталыми глазами и хвостиком — поставила перед ними два кофе. Колосов даже не посмотрел на неё.

— Этого хватит, чтобы перевернуть дело. Но есть проблема. Записи сделаны без согласия Мухина. Статья семьдесят пятая УПК —.

— Не спотыкайся об УПК, Роман. Ты же знаешь: если запись доказывает совершение преступления, суд не может её игнорировать. Позиция Верховного Суда — доказательство, полученное с нарушением, может быть признано недопустимым, но если сторона защиты ходатайствует о его проверке, суд обязан рассмотреть. Дави на это.

— Давить-то можно. Но Селезнёв — осторожный. Он не любит рисковать. Если Кудрявцев поднимет крик о недопустимости, Селезнёв может исключить.

— Тогда не давай ему повод. Подай ходатайство не о приобщении записей, а о вызове свидетеля. Наталья написала имя — Белянская Инна Олеговна, заместитель финансового директора. Она проходила как свидетель обвинения?

— Проходила. Но сторона обвинения не стала её допрашивать в основном слушании. Убрала из списка. Я заметил, но не придал значения.

— Вот тебе ответ. Кудрявцев убрал её, потому что знал: если она заговорит — всё рухнет. Белянская присутствовала на встрече, где Мухин обсуждал схему. Она может подтвердить, что Наталья была против, а Мухин давил.

— Она не заговорит. Если Мухин дотянулся до прокуратуры — он дотянулся и до неё.

— Не факт. Есть разница между «не захочет» и «не сможет». Если ты в суде прямо спросишь её: «Станислав Эдуардович Мухин предлагал передать активы ООО Каскад?», и она скажет «нет», а потом мы предъявим аудиозапись, где Мухин сам это обсуждает — она станет лжесвидетелем. А это уже статья триста седьмая УК. Она это понимает. Вопрос в том, понимает ли она, что мы её прижмём.

Колосов впервые улыбнулся. Улыбка была тёплой, но в глазах — холод.

— Ты, Игорь Николаевич, как конь. Тяжёлый, медленный, но, если встанешь на нужной дорожке — снесёшь всё на своём пути.

— Спасибо, — буркнул Чернов. — Конь. Лучше, чем козёл.

Они помолчали. За окном кафе по реке проплыл буксир — ржавый, с дымящей трубой, тащил за собой баржу с песком. Чернов проводил его взглядом.

— Есть ещё одна проблема, — сказал он. — Мухин — депутат городской думы. У него связи. Если мы пойдём напрямую — он поднимет шум, вызовет прессу, обвинит нас в давлении на «уважаемого человека».

— Поэтому мы не пойдём напрямую. Мы пойдём через суд. Через присяжных. Я не буду называть Мухина преступником. Я просто покажу присяжным, как работает схема. А они сами сделают выводы. Присяжные — двенадцать обычных людей, которые ненавидят депутатов сильнее, чем мошенников. Это наш козырь.

— А Белянская?

— Завтра утром я подаю ходатайство о вызове Белянской в качестве свидетеля стороны защиты. Кудрявцев будет против. Селезнёв — может быть. Но если я обосную — он не откажет. Отказ вызова свидетеля защиты — это апелляционная инстанция, а Селезнёв не любит апелляции.

Чернов кивнул. План был рискованный, но в рискованных планах всегда было больше кислорода.

— Я найду Белянскую сегодня, — сказал он. — Поговорю с ней до суда. Не угрожать — просто объяснить, что к чему. Чтобы завтра в зале она не удивилась.

— Осторожно. Если Мухин узнает, что ты к ней ходил — он может перекрыть кислород и ей, и тебе.

— Знаю. Поэтому пойду не как сыщик. Пойду как старый знакомый.

Глава 4. Заречная

Белянская Инна Олеговна жила в Заречном районе, в девятиэтажке на улице Заречной. Район был спальный, зелёный, с детскими площадками, потрескавшимися от жары, и мужчинами на лавочках, которые курили и смотрели на проезжающие машины так, будто ждали чего-то большего из жизни.

Чернов нашёл нужный подъезд, поднялся на пятый этаж, позвонил. Дверь открыли не сразу — сначала щёлкнул замок, потом приоткрылась щель, и в ней появился настороженный женский глаз.

— Инна Олеговна? Меня зовут Игорь. Я друг Натальи Сергеевны.

Глаз моргнул. Дверь закрылась. Потом снова открылась — уже шире. На пороге стояла женщина лет сорока пяти, с короткой стрижкой и лицом, на котором читалась постоянная тревога. Не та тревога, которая приходит и уходит, а та, которая въедается в черты, как влага в стены старых хрущёвок.

— Наталья Сергеевна мне не звонила, — сказала Белянская.

— Она не могла. Она в СИЗО.

Пауза. Белянская оглядела его — от ботинок до лица, как сканер. Он понял: она боится. Но не его. Того, что стоит за ним.

— Заходите, — сказала она наконец. — Но ненадолго.

Квартира была маленькая, чистая, с запахом кофе и кошачьего корма. На диване спал рыжий кот, который даже не поднял голову, когда Чернов вошёл. На стене — календарь с фотографией Светлогорска сверху, с высоты телевизионной вышки на холме Тёплый.

— Инна Олеговна, я скажу прямо. Вы были на встрече в феврале, где Мухин обсуждал передачу активов ООО «Каскад». Вы слышали, что он предлагал. Вы знаете, что Наталья была против.

Белянская сжала руки на коленях.

— Я не буду свидетельствовать, — сказала она тихо. — У меня дочь. Ей четырнадцать. Мухин сказал, что, если я открою рот — у меня будут проблемы. Не у меня. У дочери. Он так и сказал — «проблемы у твоей девочки».

Чернов почувствовал, как желчь поднимается к горлу. Мухин давил через ребёнка. Это был не просто коррупционер — это был человек, который знал, где у людей болевая точка, и не стеснялся на неё давить.

— Инна Олеговна, я понимаю. Но послушайте меня. Завтра в суде адвокат Колосов вызовет вас как свидетеля защиты. Вы можете отказаться отвечать — статья пятьдесят первая Конституции, никто не может заставить вас свидетельствовать против своей воли. Но если вы промолчите — Наталья сядет. На реальный срок. За то, чего не делала. А Мухин останется. И через год, через два — он снова придёт. Потому что вы знаете, а значит, вы — риск. Он не остановится.

Белянская подняла на него глаза. В них стояли слёзы, но не текли — как будто она давно научилась их удерживать.

— А если я заговорю — он сделает, что обещал.

— Нет. Если вы заговорите — в открытом суде, с присяжными, с журналистами — он не сможет ничего сделать. Потому что все будут знать. Мухин силен, пока всё происходит в тени. Как только свет включается — он обычный человек с деньгами и связями. А связи работают, пока нет скандала. Скандал — это огонь, а Мухин — бумажный.

Она молчала долго. Кот на диване перевернулся на другой бок. За стеной кто-то включил телевизор — новости, ведущий говорил о ремонте набережной Зарянки и открытии нового торгового центра на проспекте Гражданском.

— Вы уверены, что это сработает? — спросила она наконец.

— Нет, — честно сказал Чернов. — Но я уверен, что молчание не сработает точно.

Глава 5. Свидетель

Утром в суде Колосов подал ходатайство.

— Ваша честь, сторона защиты ходатайствует о вызове в качестве свидетеля Белянской Инны Олеговны, заместителя финансового директора акционерного общества «Светлогорск-Энерго». Белянская присутствовала на ключевых совещаниях совета директоров и может дать показания, имеющие существенное значение для установления обстоятельств дела.

Кудрявцев вскочил.

— Ваша честь, сторона обвинения возражает. Белянская уже допрошена на предварительном следствии. Её показания приобщены к материалам дела. Нет оснований для повторного вызова.

— Есть, — сказал Колосов. — На предварительном следствии Белянская допрашивалась по обстоятельствам, которые сторона обвинения считала нужными. Сторона защиты намерена задать вопросы по обстоятельствам, которые сторона обвинения не сочла нужным выяснять. В частности — о наличии альтернативного плана реструктуризации, предложенного Лариной, и о позиции совета директоров в отношении этого плана.

Судья Селезнёв посмотрел на Колосова, потом на Кудрявцева. Его лицо оставалось гранитным, но Чернов заметил: глаза стали живее. Селезнёв что-то заподозрил. Может быть, он и раньше чувствовал, что дело слишком чистое.

— Ходатайство удовлетворяется, — сказал Селезнёв. — Свидетель Белянская вызывается на следующее заседание.

Кудрявцев сел. Его лицо было каменным, но руки под столом, вероятно, сжимались в кулаки.

Чернов сидел в зале и смотрел, как Наталья Ларина поворачивается к Колосову и что-то шепчет. Колосов кивает. Наталья закрывает глаза на секунду — длинную, как вдох перед прыжком.

Через день — заседание. Зал снова набит. Журналисты уже поняли, что дело пахнет скандалом, и пришли в полном составе. На задних рядах сидели люди, которых Чернов не узнавал — в одинаковых тёмных костюмах, с одинаковыми пустыми лицами. Люди Мухина. Они пришли посмотреть.

Белянскую ввели через боковую дверь. Она была бледной, шла медленно, будто каждый шаг давался с усилием. Села на стул свидетеля, положила руки на колени. Короткая стрижка, серый пиджак, лицо замкнутое. Рыжего кота, видимо, оставила дома.

Колосов подошёл к ней. Не торопясь. Спокойно.

— Инна Олеговна, подтверждаете ли вы, что в феврале текущего года замещали Наталью Сергеевну Ларину на заседании совета директоров «Светлогорск-Энерго»?

— Да, подтверждаю, — голос был тихим, но твёрдым.

— На этом заседании обсуждалась ли реструктуризация активов общества?

— Обсуждалась.

— Предлагал ли председатель совета директоров Станислав Эдуардович Мухин передать активы дочерней структуры какой-либо сторонней организации?

Кудрявцев вскочил.

— Ваша честь! Вопрос наводящий!

— Отклоняю, — сказал Селезнёв. — Свидетель, ответьте на вопрос.

Белянская помолчала. Чернов видел, как её пальцы сжались до белых костяшек. Она вспомнила слова Мухина: «проблемы у твоей девочки». Но потом она посмотрела на Наталью — на скамью подсудимых, где та сидела с прямой спиной и глазами, в которых было не отча-

яние, а что-то упрямое, живое. И Белянская, видимо, увидела в этих глазах то же, что видел Чернов три дня назад у окна на девятом этаже.

— Да, — сказала она. — Станислав Эдуардович предложил передать контрольный пакет акций дочерней структуры в управление ООО «Каскад».

Зал замер.

— Присутствовала ли при этом Наталья Сергеевна Ларина?

— Нет, она болела. Я замещала её.

— Какова была позиция большинства членов совета?

— Большинство поддержало предложение Мухина.

— А какова была ваша позиция?

— Я была против. Передача активов структуре с единственным учредителем — Мухиным — это вывод активов компании в личную пользу. Я сказала об этом открыто.

— Что ответил Мухин?

Кудрявцев снова вскочил.

— Ваша честь! Свидетель спрашивается о чувствах и предположениях, а не об установленных фактах!

— Отклоняю, — Селезнёв уже почти не слушал Кудрявцева. Он смотрел на Белянскую. — Ответьте.

— Мухин сказал, что если я не поддержу решение, то... — она запнулась, — ...у моей дочери будут проблемы. Со здоровьем. Он сказал — «проблемы у твоей девочки».

Тишина. Не та тишина, что бывает от неловкости, — та, что бывает, когда все одновременно перестают дышать.

Кудрявцев стоял. Рот открылся, но из него не вышло ни звука.

Колосов повернулся к присяжным. Он ничего не сказал. Не нужно было. На лицах двенадцати человек читалось то, что ни один закон не может ни запретить, ни предписать, — отвращение.

Колосов продолжил:

— Инна Олеговна, после этого разговора обращались ли вы в правоохранительные органы?

— Нет.

— Почему?

— Потому что Мухин — депутат городской думы. Потому что у него связи в прокуратуре. Потому что я испугалась за дочь.

— А когда Наталью Сергеевну арестовали — вы понимали, что дело сфабриковано?

— Да.

— Почему вы не выступили с опровержением?

— Потому что боялась. — Она посмотрела вниз, на свои руки. — Боялась.

Колосов кивнул. Он не стал давить. Не стал добивать. Он просто сказал:

— Уважаемый суд, у стороны защиты больше нет вопросов к свидетелю.

Кудрявцев поднялся. Он пытался — задавал вопросы, уточнял, пытался выставить Белянскую заинтересованной стороной, намекал на личный конфликт с Мухиным. Но каждый его вопрос звучал так, будто он защищает не закон, а того, кто стоит по ту сторону. И присяжные это видели.

— Инна Олеговна, возможно ли, что вы неверно истолковали слова Мухина?

— Нет. Он сказал «проблемы у твоей девочки». Я не знаю, как это можно истолковать иначе.

Кудрявцев сел. Его формула сломалась. Твёрдые доказательства — оказались мягкими. Уверенный тон — дрожал. Ни одной лишней эмоции — но именно это отсутствие эмоций

теперь работало против него, потому что свидетель напротив — эмоции не скрывала. И это было честнее.

Селезнёв объявил перерыв.

Чернов вышел из здания суда на крыльцо. Воздух был тёплый, с привкусом пыли и речной воды — Зарянка текла где-то за домами, за деревьями. Он закурил, хотя бросил три года назад. Просто в какой-то момент руки сами потянулись в карман.

К нему подошёл Колосов. Молча встал рядом, посмотрел на небо.

— Сработало, — сказал Колосов.

— Пока нет, — сказал Чернов. — Пока она просто заговорила. Сработает, когда присяжные вынесут вердикт.

— Ты видел их лица?

— Видел.

— Они уже всё решили. Кудрявцев это знает. Единственное, что он может — тянуть время. Но завтра — прения. И после прений — вердикт.

— А Мухин?

— Мухин сейчас звонит кому-то. Злит. Ищет, кому дать откат, чтобы заткнуть. Но поздно. Слишком много глаз. Слишком много камер.

Чернов затушил сигарету о край урны. Выбросил.

— Мне нужно найти Полякова, — сказал он. — Гендиректора. Если Белянская дала показания, Поляков — следующий. Он подписывал документы по указке Мухина. Если его прижать — он даст показания против Мухина. И тогда это уже не просто суд. Это уголовное дело против депутата.

Колосов посмотрел на него.

— Ты понимаешь, что делаешь?

— Понимаю.

— Нет. Ты не понимаешь. Ты начинаешь войну. Мухин — не один. За ним люди. Серьёзные. И если ты пойдёшь к Полякову — они узнают. И они не будут ждать, пока ты закончишь.

Чернов промолчал. Потому что Колосов был прав. И потому что это ничего не меняло.

— Я найду Полякова завтра, — сказал он. — Утром. До прений.

— Зачем?

— Потому что если мы не доведём это до конца — Белянская останется одна. С дочерью. И Мухин дождётся, пока все забудут. А потом придёт.

Колосов не ответил. Он просто кивнул. Кивок был короткий, как удар кулака по столу.

Они разошлись. Колосов — к машине, серебристой «Ладе», припаркованной за углом. Чернов — пешком, по набережной Зарянки, мимо кафе «Причал», где в окне горел тёплый свет, и официантка с хвостиком протирала столы.

Завтра будет прения. Завтра — вердикт. Но сегодня Чернов должен был найти Анатолия Полякова — человека, который подписывал бумагу за бумагой, зная, что каждая подпись — ещё один гвоздь в крышку гроба Натальи Лариной.

Чернов достал телефон, набрал номер. Гудки шли, шли, шли — никто не брал.

Он не удивился. Поляков уже знал, что Белянская заговорила. И он уже решал, что делать.

У него было два варианта: молчать и утонуть вместе с Мухиным — или заговорить и спастись.

Чернов надеялся, что Поляков выберет второе.

Но на всякий случай — он уже знал, где живёт гендиректор «Светлогорск-Энерго». Котедж на улице Лесной, в посёлке Тихий, за городом. Каменный забор, ворота с интеркомом, собака во дворе. Чернов бывал там раньше — ещё когда работал в Следственном комитете, по другому делу, в другой жизни.

Он остановился на набережной, посмотрел на реку. Зарянка текла медленно, будто ей тоже было всё равно. Трактор на том берегу укладывал асфальт — уже второй день, но асфальт всё не ложился. Может, земля была сырая. А может, просто никто не спешил.

Завтра утром. Посёлок Тихий. Улица Лесная.

Чернов повернулся и пошёл к центру. Вечернее солнце било в спину, и тень его тянулась по асфальту — длинная, узкая, как линия защиты.

Глава 6. Тихий

Посёлок Тихий оправдывал название. Утро было серое, низкое, с неба сеялась мелкая морось, какая бывает только в сентябре — не дождь, а скорее намёк на дождь. Чернов ехал по Северной объездной, свернул на Лесную и через десять минут увидел забор.

Коттедж Полякова стоял в конце улицы — каменный забор, ворота с интеркомом, рябина над крышей, красные гроздья тяжёлые, мокрые. Во дворе лаяла собака — крупная, с глухим голосом, вроде овчарка. Чернов остановил машину у ворот, нажал кнопку интеркома.

Тишина. Потом щелчок.

— Кто? — голос был хриплый, будто человек не спал всю ночь.

— Анатолий Петрович, меня зовут Игорь Чернов. Я работаю по делу Лариной. Мне нужно пять минут.

Долгая пауза. Собака за забором лаяла и лаяла. Потом голос Полякова — уже тише, почти шёпотом:

— Уезжайте. Я ничего не знаю.

— Вы подписывали служебную записку Мухина от четырнадцатого февраля. Вы знаете, что ООО «Каскад» принадлежит Мухину. Вы знаете, что Наталья Ларина не виновата. И вы знаете, что вчера в суде Бемянская заговорила.

Тишина. Только собака.

— Анатолий Петрович, я не из прокуратуры. Я не из полиции. Я частный человек. Но завтра в суде будут прения, и после прений присяжные решат. Если они оправдают Наталью — следователь вернётся к вопросу, кто сфабриковал дело. И первым, к кому он придёт, будете вы. Не Мухин — у него депутатский иммунитет. Вы.

Щелчок. Ворота открылись — медленно, неохотно, будто им тоже было страшно.

Чернов въехал во двор. Овчарка на цепи рванулась к нему, но цепь натянулась, и собака осела на задние лапы, продолжая рычать. Поляков стоял на крыльце — в махровом халате, с лицом, на котором читалась ночь без сна. Глаза красные, щёки впалые, волосы — обычно аккуратно зачёсанные назад — торчали в разные стороны. Он выглядел на десять лет старше, чем на корпоративном сайте «Светлогорск-Энерго», где улыбался в синем костюме.

— Заходите, — сказал он. — Кофе?

— Нет.

Они прошли в дом. Внутри было чисто, безлико — как в модельной квартире, которую обставили по каталогу. Серые стены, белые диваны, на полке — фотографии: Поляков с женой, Поляков на рыбалке, Поляков с Мухиным на каком-то приёме. Последняя фотография стояла чуть отдельно — будто поставили, а потом передвинули, не зная, убирать или оставить.

— Анатолий Петрович, я буду краток. Вы — гендиректор. Вы подписывали документы, которые Мухин вам приносил. Договор уступки, соглашение о компенсации, протоколы заседаний. Вы знали, что «Каскад» — компания Мухина?

Поляков молчал. Кофеварка на кухне зашумела, начала плевать паром.

— Знал, — сказал он наконец. Голос был пустой, как эхо в пустом зале.

— Вы знали, что Ларина была против передачи активов?

— Знал.

— Вы знали, что Мухин угрожал ей?

— Не знал. Не напрямую. Но... догадывался.

— Вы знали, что Мухин угрожал Бемянской через её дочь?

Поляков закрыл глаза.

— Нет. Этого я не знал. Честно.

— Хорошо. А что вы знали? Что вы подписывали, не читая? Что вы ставили подпись под документами, которые вели к тому, что невиновного человека сажают в СИЗО?

Поляков открыл глаза. В них не было злости. Было то, что хуже злости, — усталость. Усталость человека, который долго нёс что-то тяжёлое и теперь уже не мог.

— Игорь... Николаевич, да? Вы не понимаете. Мухин — не просто депутат. Он человек, который решает, кто работает в этом городе, и кто нет. Когда он пришёл ко мне и сказал «подпиши» — я подписал. Не потому что хотел. Потому что, если бы не подписал — меня бы убрали. Не убили. Просто убрали. Из компании, из города, из жизни. Я десять лет строил «Светлогорск-Энерго». Десять лет. А Мухин пришёл и сказал: «Толик, ты же понимаешь». И я понял.

— А теперь поймите другое. Завтра в суде прения. После прений — вердикт. Присяжные уже видели Белянскую. Они видели запись. Они знают, что дело грязное. Если Наталью оправдают — следствие не закроется. Оно повернёт на вас. На Мухина. На Зингера. На всех, кто участвовал. Вопрос в одном: вы хотите быть свидетелем или соучастником?

Поляков встал. Прошёлся по комнате. Овчарка за окном замолчала.

— Если я дам показания — Мухин меня уничтожит.

— Если не дадите — добавит суд. Разницы нет. Но в первом случае вы останетесь человеком. Во втором — просто названием в приговоре.

Поляков остановился у окна. За стеклом морось превратилась в дождь. Капли ползли по стеклу медленно, как слёзы, которые не решаются упасть.

— Что я должен сделать? — спросил он.

Чернов положил на стол визитку.

— Позвоните Колосову. Сегодня. Скажите, что готовы дать показания. Он вызовет вас завтра, после прений, до вынесения вердикта. Селезнёв удовлетворит — отказать свидетелю защиты во второй раз — это уже скандал для апелляции.

— А Мухин?

— Мухин узнает. Но он будет в зале. С журналистами. С камерами. Ничего не сделает при свидетелях.

Поляков взял визитку. Повертел в пальцах. Положил на стол. Потом взял снова.

— Я позвоню, — сказал он.

Чернов кивнул. Встал. Дождь за окном усилился — стучал по крыше, как пальцы по клавишам.

— Анатолий Петрович, один совет. Не звоните Мухину. Не предупреждайте его. Он ваш друг только пока вы молчите. Как только вы заговорите — он станет вашим обвинителем. Он скажет, что вы действовали сами, что он ни при чём. И если у него не будет времени подготовиться — он начнёт путаться. Пусть лучше узнает в зале.

Поляков ничего не ответил. Просто стоял у окна и смотрел на дождь.

Чернов вышел. Овчарка не залаяла — молча смотрела, как он садится в машину. Вроде даже не злая. Просто усталая. Как все в этом деле.

Глава 7. Прения

Зал суда был полон, как никогда. Журналисты стояли вдоль стен — мест на скамьях не хватило. На задних рядах — те же люди в тёмных костюмах, с теми же пустыми лицами. Но сегодня к ним добавился ещё один — в дорогом пальто, с золотым зажимом для галстука. Чернов узнал его по фотографиям из газет: Станислав Эдуардович Мухин. Депутат. Пришёл смотреть.

Мухин сидел прямо, спина — как доска, подбородок приподнят. Он не смотрел на Наталью. Он смотрел на присяжных — оценивающе, как мясник оценивает тушу.

Колосов встал. Пиджак тёмно-синий, рубашка белая, без галстука — он считал, что галстук в прениях мешает, создаёт дистанцию с присяжными. Он хотел быть для них своим. Человеком, а не костюмом.

— Уважаемые присяжные, — начал он, и голос его был ровным, без надрыва, — я не буду читать вам лекцию о праве. Вы двенадцать взрослых людей. Вы слышали##. Вы слышали свидетелей. Вы видели запись. Я хочу сказать вам только одно.

Он подошёл к барьеру присяжных ближе, чем обычно.

— Это дело — не о мошенничестве. Это дело — о том, что происходит, когда человек с властью решает, что закон для него не писан. Станислав Мухин, председатель совета директоров, депутат городской думы, захотел забрать активы компании себе. Через подставную структуру — ООО «Каскад», зарегистрированное на него лично. Наталья Ларина, финансовый директор, встала у него на пути. Не потому, что хотела навредить. Потому что не могла подписать то, что считала незаконным. И за это — за честность — её посадили.

Он сделал паузу. Не для эффекта — для воздуха.

— Вы слышали Белянскую. Она рассказала, как Мухин угрожал ей через ребёнка. Четырнадцатилетнюю девочку. Вы слышали запись, где Мухин сам говорит: «Ты много стала понимать, Наташа. Это вредно для здоровья». Это не бизнес. Это запугивание. Это шантаж. И когда шантаж не сработал — Наталью обвинили в мошенничестве. Тех самых денег, которые Мухин пытался украсть.

— У стороны защиты есть ещё один свидетель. Анатолий Поляков, генеральный директор «Светлогорск-Энерго». Он готов дать показания.

Кудрявцев вскочил.

— Ваша честь! Сторона защиты не заявляла этого свидетеля заранее! Это нарушение процедуры!

— Ваша честь, — Колосов не повысил голос, — сторона защиты ходатайствует о вызове Полякова Анатолия Петровича. Ходатайство подано утром, через канцелярию суда. Сторона обвинения была уведомлена.

Селезнёв взял лист, посмотрел. Повертел в руках. Посмотрел на Кудрявцева. Потом на Мухина — впервые за весь процесс. Мухин не шевельнулся, но его пальцы сжали подлокотник кресла.

— Ходатайство удовлетворяется, — сказал Селезнёв. — Свидетель Поляков, вызовите.

Поляков вошёл. Он был в костюме — тёмно-сером, мешковатом, будто он потерял вес и не успел обновить гардероб. Лицо серое, глаза — в пол. Но он шёл прямо. Не как человек, который сломался. Как человек, который решил.

Он сел на стул свидетеля. Поклялся говорить правду. Руки положил на колени.

Колосов подошёл.

— Анатолий Петрович, вы занимаете должность генерального директора «Светлогорск-Энерго»?

— Да.

— Вы подписывали договор уступки прав требования от третьего февраля?

— Да.

— Кто поручил вам подписать этот документ?

— Станислав Эдуардович Мухин.

— Вы знали, что ООО «Каскад», в пользу которого осуществлялась уступка, принадлежит Мухину?

Поляков помолчал. Мухин сидел сзади. Чернов видел, как его взгляд впился в спину Полякова, как два раскалённых гвоздя.

— Да, знал.

— Знали ли вы, что Наталья Ларина была против передачи активов?

— Да. Она написала служебную записку с возражениями. Я её видел.

— Что произошло после того, как Ларина отказалась подписать согласие?

— Мухин сказал мне, что нужно «решить вопрос с Натальей». Я спросил, как. Он сказал — «это не твоё дело, Толик. Подпиши, что скажут, и не лезь».

Кудрявцев сидел неподвижно. Он не вставал. Не возражал. Его формула сломалась окончательно — не осталось ни твёрдых доказательств, ни уверенного тона, ни единой лишней эмоции. Только пустота.

— Анатолий Петрович, почему вы решили дать показания?

Поляков посмотрел на Наталью. Она смотрела на него — без благодарности, без упрёка. Просто смотрела. Как смотрят на человека, который наконец решился.

— Потому что я десять лет молчал. Десять лет подписывал. Десять лет делал вид, что не знаю. А три дня назад я увидел свою дочь — ей восемь. Она смотрела новости по телевизору, где говорили про это дело. И она спросила: «Папа, а ты тоже врал?» — Поляков запнулся. — И я не знал, что ответить.

Зал молчал. Кто-то из журналистов перестал писать. Просто сидел и смотрел.

Колосов кивнул.

— У стороны защиты больше нет вопросов.

Кудрявцев встал. Он попытался — задал два вопроса, попытался выставить Полякова заинтересованным лицом. Но голос был пустой, как холодильник, из которого всё вынули.

— Анатолий Петрович, не было ли у вас личного конфликта с Мухиным?

— Нет. Мухин мой сосед по коттеджному посёлку. Мы праздновали вместе Новый год. У нас нет конфликта. Просто я больше не могу молчать.

Кудрявцев сел. Больше не вставал.

Колосов вышел на прения.

— Уважаемые присяжные. Обвинение построило своё дело на одном: Наталья Ларина якобы действовала одна, обманула совет директоров и присвоила деньги. Но вы слышали Белянскую. Вы слышали Полякова. Вы слышали запись, где Мухин сам угрожает Наталье. Вы видели служебную записку, где Мухин предлагает передать активы своей собственной компании.

Он обвёл взглядом присяжных — каждого, медленно, как фермер обходит поле.

— Это не Наталья Ларина мошенница. Это Станислав Мухин — вор. А Наталья Ларина — человек, который посмел ему отказать. И за это её судят. Вы двенадцать человек — единственные, кто может это остановить. Не судья. Не прокурор. Не депутат. Вы.

Кудрявцев выступал после. Он говорил правильно, по структуре, по закону. Но каждое его слово звучало так, будто он читает список продуктов в пустом магазине. Сухо, безжизненно, механически. Он говорил о квалификации, о составе преступления, о размере ущерба. Но присяжные уже не слушали — они слушали Полякова, который не мог ответить дочери. Они слушали Белянскую, которая боялась за ребёнка. Они слушали запись, где Мухин смеялся злым коротким смехом.

Кудрявцев сел. Его глаза были пустыми.
Селезнёв объявил: присяжные удаляются на совещание.

Глава 8. Вердикт

Присяжных увели в комнату совещаний. Дверь закрылась. Зал ждал.

Чернов сидел в первом ряду и считал минуты. Сорок. Пятьдесят. Час. В зале было тихо — журналисты перестали шептаться, камеры перестали щёлкать. Все просто ждали. Как люди ждут диагноза.

Наталья Ларина сидела на скамье подсудимых. Спина прямая, руки на коленях, глаза закрыты. Она не молилась — Чернов видел. Она просто дышала. Медленно, ровно. Как человек, который готов к любому ответу.

Мухин ушёл через сорок минут. Не хлопая дверью — тихо, аккуратно, будто его и не было. Люди в тёмных костюмах ушли за ним. Зал стал просторнее, светлее.

Колосов стоял у окна и смотрел на улицу. Не нервничал. Просто стоял.

Кудрявцев сидел за столом обвинения и перечитывал какие-то бумаги. Чернов видел, что он не читает — просто водит глазами по строчкам, чтобы занять руки.

Через час сорок три минуты дверь комнаты совещаний открылась.

Старшина присяжных — мужчина лет пятидесяти, с усами и руками тракториста — вышел первым. Лицо было спокойным. Он встал перед судьёй, положил лист на стол. Селезнёв взял лист, посмотрел.

— Огласите, — сказал он.

Старшина встал. Прочистил горло. Голос был ровный:

— По вопросу о доказанности совершения деяния: нет, деяние не доказано.

Наталья не шевельнулась. Просто открыла глаза.

— По вопросу о виновности: нет, подсудимая не виновна.

Зал вздохнул — не выдохнул, а именно вздохнул, как один организм, как одно тело. Кто-то из журналистов сорвался и побежал к выходу — звонить в редакцию. Селезнёв стукнул молотком.

— Встать!

Все встали. Наталья встала. Колосов встал. Кудрявцев встал. Чернов встал.

— Коллегия присяжных заседателей вынесла оправдательный вердикт. Подсудимая Ларина Наталья Сергеевна признаётся невиновной и подлежит освобождению из-под стражи немедленно.

Конвоир снял наручники. Наталья потёрла запястья — медленно, будто не верила, что металл больше не жмёт. Потом она повернулась к Колосову и сказала что-то, что Чернов не расслышал. Колосов кивнул. Потом она повернулась к Чернову. Их глаза встретились.

Она не улыбнулась. Не заплакала. Просто посмотрела — долго, внимательно, как смотрят на человека, который вытащил тебя из воды, а ты ещё не успела понять, что тонула.

— Спасибо, — сказала она тихо.

Чернов кивнул. Слова не шли. Двадцать лет в Следственном комитете, пять лет частной практики — и он так и не научился отвечать на благодарность. Каждый раз казалось, что сказал недостаточно. Или слишком много. Или не то.

Они вышли из суда вместе — Наталья, Колосов, Чернов. На крыльце их встретил дождь. Не морось — настоящий дождь, крупный, тёплый, смывающий пыль с асфальта и с лиц. Наталья подняла лицо к небу и закрыла глаза.

Колосов раскрыл зонт — чёрный, обычный. Протянул Наталье. Она взяла.

— Что дальше? — спросил Чернов.

— Дальше — материал передадут в следствие, — сказал Колосов. — Показания Белянской и Полякова — основание для возбуждения уголовного дела против Мухина. Думаю, Куд-

рявцев сам сейчас пишет рапорт. Ему нужно дистанцироваться — иначе он пойдёт по шапке вместе с Мухиным.

— А Мухин? Иммунитет?

— Иммунитет снимают через думу. Процедура занимает время. Но после такого скандала — никто его защищать не будет. Слишком грязно. Слишком публично.

Наталья стояла под зонтом и молчала. Дождь стучал по ткани, как пальцы по столу — быстро, настойчиво.

— А дочь Белянской? — спросила она.

— Инна Олеговна уже перевезла её к сестре, в другой район, — сказал Чернов. — Я вчера проверил. Мухин до неё не доберётся.

Наталья кивнула. Потом посмотрела на Чернова.

— Игорь Николаевич, флешка. Вы её вскрыли.

— Вскрыл.

— И пришли ко мне.

— Пришёл.

— Почему?

Чернов помолчал. Дождь усилился. С крыльца текли ручьи — мутные, с песком.

— Потому что вы написали на ней моё имя. А я не привык, когда на меня рассчитывают, а я не отвечаю.

Наталья протянула руку. Чернов пожал её. Рука была холодной, тонкой — рука человека, который только что вышел из СИЗО и ещё не согрелся.

Колосов тронул его за плечо.

— Поехали. Я угощаю. «Причал» работает до десяти.

— Борщ? — спросил Чернов.

— Борщ.

Они пошли к машинам. Дождь лил, асфальт блестел, как стекло. Наталья шла между ними — маленькая, мокрая, свободная. Колосов раскрыл над ней зонт, а Чернов шёл рядом, без зонта, и не замечал дождя.

Потому что впервые за долгое время ему было не всё равно.

Глава 9. Тень за спиной

После суда прошло три дня. В Светлогорске пахло мокрым асфальтом и речной тиной — Зарянка всё ещё несла дождевую муть, и вода казалась густой, как остывший чай. Чернов сидел в своём кабинете на улице Речной, перебирал папки, которые не хотел трогать ещё неделю, а лучше — месяц. Но он знал: если дать себе паузу, дело заберёт кто-то другой. Или его не станет вовсе.

На столе лежал конверт. Обычный, белый, без марки. Его подсунули под дверь утром — он услышал шуршание, когда наливал кофе. На конверте — только его фамилия. Ни адреса, ни обратного.

Он вскрыл его канцелярским ножом. Внутри — одна фотография. Черно-белая, будто сделанная на старую камеру. На фото — он сам, выходит из подъезда своего дома на улице Заводской. Лицо в профиль, в руке — ключи. Дата в углу снимка — позавчерашний вечер. Время — 22:17.

Чернов положил фото на стол. Пальцы чуть дрогнули — не от страха, а от злости. Это был не намёк. Это было предупреждение.

В дверь постучали. Он не ждал гостей.

— Открыто, — сказал он, не поднимая головы.

Вошёл Колосов. Без пальто, в рубашке с закатанными рукавами, будто только что бежал.

— Ты видел? — спросил он, швырнув на стол свежий номер «Светлогорского вестника».

На первой полосе — крупный заголовок: **«Кто заказал оправдание Лариной?»** Под ним — фото Чернова у входа в суд. И ещё одно — он разговаривает с Поляковым у ворот коттеджа в посёлке Тихий. Текст статьи был написан так, чтобы не сказать ничего конкретного, но оставить осадок: «Частный детектив Игорь Чернов, тесно связанный с защитой, активно вмешивался в ход следствия, оказывая давление на свидетелей... Источники в правоохранительных органах утверждают, что действия Чернова могут стать предметом отдельной проверки...»

— Это не просто статья, — сказал Колосов. — Это начало. Мухин бьёт по тебе, потому что не может ударить по суду. Присяжные вынесли вердикт. Судья его утвердил. Прокуратура уже готовит материалы на Мухина. Но пока они готовят — он готовит тебя.

— Я видел фото, — спокойно сказал Чернов. — Меня снимали у дома.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.